

О ЗАКОНАХ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

АЛЕКСАНДР ГРЕГОРЬЕВИЧ ХУДОКОРМОВ*

Apstrakt: U radu se s aspekta filozofije ekonomije razmatra pokušaj definisanja određenih zakona za koje autor smatra da egzistiraju u istoriji (evoluciji) ekonomske misli. U tom smislu, možda je najvažnije pitanje progressa ekonomske teorije, koje se može posmatrati ne samo s aspekta forme (načina ostvarivanja), nego i suštine (kojim društvenim grupama koristi taj progres). S aspekta ekonomske teorije, značajno je da njen progresivan razvoj bitno doprinosi povećanju stepena slobode istraživačkog rada ekonomista, koje se ogleda u brzom razvoju novih alternativnih ekonomskih pravaca kao što je npr. neoinstitucionalizam, koji preferira socijalnu tržišnu privredu jasnih pravila igre.

Ključne riječi: zakoni istorije ekonomske misli, ekonomska teorija, kriza marksizma, neoinstitucionalizam, socijalna tržišna privreda

Abstract: In this article from the aspect of the economic's philosophy, on untraditional way, is demonstrated difference between economy as human life's activity and economic as its separate case, and all that from the prism of static and dynamic and especially money as dominant principle. By elaboration relations of economic and non economic, "economic from above" and "economic from below", it is becoming known institute of economic freedoms, which is being disorganized in practice with domination policy over economy. In those relations, decisive role (in some post socialist states where as well Russia belongs) has government echelons, which realize "economic from above". "Economic from above" do not serve to "economic from below", how post social liberals- marketers see that, but "those below" with enthusiasm support "crown", how it is well known to bandmaster—globalist. It must be considered that economic is not economy, but control under economy as specific institute which enable its governability.

Key words: laws of the history economic thoughts, economic theory, Marxism crisis, unconstitutional, social market economy.

(UDC: 005; JEL classification: B 20, B 24; Original scientific paper;

Received: June 05, 2005)

Для всякой науки естественно стремление раскрыть объективные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи между изучаемыми явлениями, т.е. раскрыть то, что философы понимают под словом "законы".

Несмотря на противодействие ряда философских и экономических школ, поиск законов получает все большее распространение в экономической теории, оказывая влияние на ее содержание. Так, в рамках современной экономики в пределах западного мейнстрима выделяются закон спроса и предложения, закон убывающей полезности, убывающей доходности, разнообразные

"именные" законы (закон Грешема, закон Энгеля, законы Госсена, закон Вальраса и др.). К раскрытию внутренних законов капиталистического способа производства (и не только) всегда тяготела марксистская традиция в политической экономии. В "Капитале" К Маркса, в частности, упоминаются и подробно интерпретируются законы стоимости, прибавочной стоимости, всеобщий закон капиталистического накопления, закон тенденции нормы прибыли к понижению.

Закономерный характер эволюции присут, видимо, и второй "половинке" истории экономических учений — непосредственной подопечной музы Кляно — самой истории. Постановка вопроса о наличии исторических законов связана в первую очередь с именем Карла Маркса. Именно в его трудах положения о решающей роли материального производства в жизни общества, о примате базис-

* Доктор экономических наук, профессор Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений.

ных явлений (общественного бытия) по отношению к явлениям надстройки (общественного сознания), о неизбежности перехода от одной общественной формации к другой исследованы и определены как законы исторического развития, действующие помимо воли и сознания людей.

Современная социология, если отвлечься от некоторых школ и ответвлений, в общем и целом также стоит на почве признаний общепризнанных законов. В ее рамках выделяется, в частности, закон ускорения истории, суть которого заключается в уменьшении длительности, своеобразном "сжатии" более поздней стадии исторического процесса по сравнению с более ранним. Так, большая часть человеческой истории, согласно этой концепции, приходится на аграрную стадию (примерно 40 тыс. лет). На стадию индустриального общества остается примерно 200 лет. Что же касается постиндустриального общества, то, появившись в наиболее развитых странах мира примерно 30—35 лет назад, оно уже успело трансформироваться в свою высшую форму — информационное общество.

Но если движение самой истории, а вместе с ней и экономики подчиняется закону, не будет ли логично предположить, что эволюция знаний об экономической жизни человечества тоже носит закономерный характер?

Между тем этот вопрос по сути остается не разработанным даже в объемных курсах по истории экономических учений. Например, в широко известном труде английского профессора Марка Блауга "Экономическая мысль в ретроспективе" вопрос о законах эволюции всемирной экономической мысли затрагивается лишь в одной из сносок, причем в полусуфлиговой форме.

В экономической науке, пишет М. Блауг, «открытие почти всегда связывается не с тем, с кем надо. Так, Томас Грешем не был автором закона Грешема. Жан Батист Сэй сформулировал закон Сэя только после того, как за него это сделали другие. У Роберта Гиффена мы не найдем формулировки парадокса Гиффена. Френсис Эджуорт не рисовал "коробки Эджуорта". Эрнст Энгель не чертил кривых Энгеля. Вальрас не формулировал закон Вальраса. Ирвинг Фишер не изобретал "идеальный индекс", более того, он просто умолял (безуспешно), чтобы этот индекс не называли его именем. Артур Боули никогда

не формулировал закона Боули. Артур Пигу не является автором эффекта Пигу и т.д.»¹.

Блауг выводит отсюда закон (справедливость которого подтверждается, по его мнению, на каждом шагу), именуемый "законом эпонимии Стиглера" — по имени известного американского экономиста Дж. Стиглера, давшего первую формулировку указанного закона. Она гласит: "Ни одно научное открытие не носит имя своего истинного автора". Как и подобает всякому общественному закону, "закон эпонимии" допускает ряд исключений: оптимум по Парето, эффект Викселя и др. (термин "эпонимия" введен известным специалистом по истории экономических учений Р. Мертоном для описания практики присвоения имени ученого сделанному им открытию)².

В период полного доминирования марксизма в нашей стране, как это ни странно, не было принято доводить обобщения движущих сил мировой мысли до формулировки научных законов. Тем не менее, когда марксисты писали об общих методологических принципах исследования истории экономических учений, они по сути имели в виду именно законы движения мысли. Так, принцип выделения "земных корней" той или иной экономической теории может быть переформулирован как закон зависимости экономической мысли от реальной исторической, экономической обстановки. Принцип партийности экономической теории отражал, хотя и в гипертрофированной форме, закон взаимосвязи экономических теорий с социально-экономическими интересами той или иной общественной группы и т.д.

В этой связи нам хотелось бы поставить следующие вопросы, развивающие тему закона в истории экономической мысли. Если существует закон ускорения истории экономической мысли³, применим ли он к исто-

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе М, 1994 С 524

² Там же

³ Из закона ускорения истории экономической мысли исходят не только сторонники концепции стадий цивилизации, выделяющие аграрную, индустриальную и постиндустриальную стадии развития человечества, но и марксисты, придерживающиеся теории общественно-экономических формаций. В соответствии с марксистской точкой зрения, на первобытнообщинный строй приходится 35—37 тыс лет, рабовладение охватывает период в 3—3,5 тыс лет, феодализм в Западной Европе — около тысячи лет, а капитализм, возникнув три столетия назад, претерпевает все более частые трансфор-

рии экономических учений? Означает ли это ускорение прогресс экономической теории? В каких формах осуществляется данный прогресс? Идет ли он на пользу всему обществу или лишь небольшой группировке, находящейся на вершине общественной пирамиды?

Ответить сразу на все эти вопросы в небольшой статье трудно, а пожалуй, и невозможно. Твердо можно сказать одно: закон ускорения истории экономической мысли действует в форме ее прогрессирующего усложнения. Сама история экономической теории насчитывает немногим более двух тысяч лет, с тех пор как во времена Аристотеля были выдвинуты первые по-настоящему глубокие научные положения — о природе обмена, о различиях между потребительским хозяйством и хозяйством, существующим ради накопления богатства. В средние века, во всяком случае в период раннего Средневековья, экономическая мысль как бы откатилась назад: она существовала лишь в обличье норм обычного права, учитывающего ту или иную варварскую правду.

В позднее Средневековье завершается период, когда осмысление хозяйственных процессов оставалось прерогативой религиозного мышления. В 1615г. выходит в свет "Трактат политической экономии" французского меркантилиста А. Монкретьена, в котором наиболее абстрактная экономическая дисциплина получает свое первое название.

Еще раньше, в XIV в., французский ученый-схоласт Николай Орезм формулирует первый зафиксированный историей науки экономический закон: легковесная, "порченная" монета имеет свойство вытеснять из обращения полноценную монету (поскольку последняя оседает в форме сокровища). Перекрестный в XVII в. английским общественным деятелем, этот закон был назван его именем: "законом Грешема"⁴.

Следовательно, уже в позднее Средневековье постепенно сложились предпосылки для превращения экономики в самостоятельную науку. Но все это, согласно оценкам И. Шумпетера, пока что оставалось лишь "подпочвой экономического анализа". Первые вполне оформившиеся теоретические системы экономических взглядов появляются

лишь в переходную эпоху в XVIII столетии, сначала в форме пионерных опытов в трудах Д. Юма и его критика, позднего меркантилиста Дж. Стюарта, затем — в более зрелой форме французского физиократизма и, наконец, в наиболее оформившемся виде — в гениальном труде А. Смита "Богатство народов" (1776).

С этого времени ускорение истории в области экономической теории ощущается особенно сильно. Деятнадцатый век начинается с теоретической системы Рикардо, а заканчивается более разветвленными, сложными и во многом альтернативными системами К. Маркса и А. Маршалла, каждый из которых искренне считал себя последователем английской классической школы. Но особенно быстро наращивание сложности экономических доктрин идет в XX веке. "Принципы экономической теории" А. Маршалла содержали примерный аналог сегодняшнего начального курса микроэкономики. С тех пор экономисты создали еще два уровня микротехории: промежуточный и ультраматематизированный — наивысший. Начиная с работы Дж.М. Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег" (1936) развивается принципиально новый раздел экономической науки — макроэкономика, которая со временем также развернулась в высокосложную трехуровневую дисциплину.

В итоге гораздо более сложными и тонкими сделались, например, наши знания о центральной фигуре капитализма — предпринимателе. Эксплуататор, безвозмездно присваивающий прибавочную стоимость, — таково определение данного экономического субъекта в "Капитале" К. Маркса. Маржиналисты в лице Дж.Б. Кларка пришли к противоположным выводам: предприниматель есть одновременно организатор производства и гармонизатор отношений распределения на базе закона предельной производительности факторов.

Эти две позиции оказались непримиримыми, и в XX в. разделительная полоса между марксистской и западной экономическими теориями так и не заросла. Однако в рамках последней подход к сущности бизнеса и предпринимательства становился более глубоким и часто более критичным. Так, согласно принципиально новому направлению западной экономической теории — неинституционализму, предприниматель есть центральный агент зонтичного контракта,

мации Наконец, всего 70 лет просуществовала первая незрелая форма социалистического общества — государственный социализм

⁴ История экономических учений / Под ред. В Автономова, О Ананьина, Н Макашовой М, 2000 С 30

окруженный сетью иных внутрифирменных высокосложных контрактов. И его контрагенты, и он сам нередко становятся носителями оппортунистического поведения, связанного с нарушениями контрактов, что увеличивает социальную напряженность в обществе.

Еще в конце XIX в. большинство экономистов считали предпринимателя носителем экономической рациональности, действующим в условиях полной рыночной определенности и совершенной информации. К концу следующего столетия своеобразным общим местом стало мнение о том, что предприниматель функционирует в условиях неопределенности, неполноты информации, что он довольствуется, как правило, не наилучшим, а первым попавшимся удовлетворительным решением и т.д.

Весьма сложную, синтетическую концепцию предпринимательства предложил виднейший австро-американский экономист И. Шумпетер. Его учение исходит из того, что большинство частных бизнесменов, по сути, не заслуживают высокого звания предпринимателей. Шумпетер и его последователи исходят из того, что это "серое большинство" — изрядные рутинеры — предпочитает повторение изо дня в день одних и тех же процедур, связанных с управлением фирмой. Но подлинный предприниматель — это обязательно новатор, т.е. в той или иной степени экономической революционер. Благодаря ему реализуются прорывы в технологии, возникают новые товары, революционные идеи в управлении, вершится хозяйственный прогресс.

Сегодняшняя ситуация в России позволяет нам вывести новый тип новатора, который все силы своего таланта тратит на изобретение все новых способов овладения чужой собственностью (через приватизацию, искусственные банкротства и т.д.), на поиски изощренных методов уклонения от налогов, увода капиталов за границу и т.п. Такой "новатор" становится агентом режима, получившего в западной литературе название "разоряющего развития".

Какую бы сторону в развитии западной экономической теории мы ни взяли, везде замечаем серьезное усложнение аналитического аппарата и предлагаемых выводов. Еще в начале прошлого века последователь А. Маршалла — А.С. Пигу сформулировал вывод о "провалах рынка" в связи с невозмож-

ностью решить проблему внешних эффектов (экстерналий) без государственного регулирования. Но наши современники Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, А. Крюгер и другие теоретики "общественного выбора" предупреждают о возможности и даже неизбежности "провалов государства", порожденных, кроме всего прочего, своекорыстием чиновников, гоняющихся за "политической рентой".

XIX век оставил нам учение о единой модели цикла средней продолжительностью в одно десятилетие. XX век в лице И. Шумпетера и Э. Хансена предложил концепцию множественности циклов, включая модель "больших циклов конъюнктуры" нашего соотечественника Н.Д. Кондратьева, длящихся 30—40 и более лет.

Серьезные изменения и уточнения произошли и на левом фланге мировой экономической теории. В начале XX в. марксистами была выдвинута концепция новой высшей фазы в развитии капитализма — империализма, от которого страдает большинство населения колониальных зависимых стран и самих метрополий, а благоденствует лишь кучка плутократов. Во второй половине века неомарксисты в лице философов Франкфуртской школы (Э. Фромм, Г. Маркузе) пришли к выводу, что трансформировавшийся высокоразвитый капитализм способен дать материальное благополучие большинству населения, включая трудящихся. Но это не исключает их растущего отчуждения: "одномерный человек" впадает в добровольное рабство, его жизнь течет по однообразным, заранее заданным схемам, растет нервное перенапряжение, множатся экологические проблемы, массовое потребление не делает людей счастливыми.

Еще более серьезные изменения произошли в области разработки экономической теории социализма. К концу XX в. окончательно вызрело мнение, что социализм является длительным этапом в развитии цивилизации, который нельзя "проскочить" в течение нескольких десятилетий.

Была отвергнута по причине неэффективности экономическая модель социализма как "единой фабрики". Экономической базой социалистического общества была признана многоукладная экономика, работающая с помощью механизмов рынка и плана, опирающаяся на противоборство и сотрудничество различных укладов и имеющая целью повы-

шение эффективности хозяйственного строя и рост народного благосостояния. На данной теоретической основе наблюдалось постепенное сближение западных социал-демократических концепций "демократического социализма", экономической платформы еврокоммунизма и восточного "социализма с китайской спецификой", хотя данный конвергентный процесс еще далек от завершения.

Прогрессирующая сложность мировой экономической науки и прежде всего экономической теории — это, на наш взгляд, первая очевидная закономерность, в которой проявляется (в интересующей нас сфере) закон ускорения истории. Нарастающая сложность экономической теории налицо. Но если наука является отраслью разделенного труда для получения новых знаний, то закономерно возникает вопрос: растет ли эффективность экономической науки вообще и экономической теории в частности? Становится ли экономическая наука более "научной"?

Видный американский экономист У. Баумоль отвечает на данный вопрос утвердительно. Главным фактором прогресса экономической науки У. Баумоль считает возникший лишь в XX в. "тройственный союз" общей экономической теории, количественных методов анализа (эконометрики, новейших форм статистики и др.), а также прикладных исследований. И если У. Баумоль прав, а это, видимо, так, в любом серьезном вузе экономического профиля должно существовать научное подразделение, обучающее будущих специалистов законам и принципам указанного "тройственного синтеза". (Между тем сейчас его составные части — экономическая теория, количественный анализ и эмпирические исследования — развиваются в лучшем случае на параллельных курсах, в отрыве друг от друга.)

Несомненным доказательством прогресса экономических знаний является и само возникновение на нашей планете стран "золотого миллиарда", т.е. региона высокоразвитого капитализма, где большинство населения имеет возможность пользоваться основными благами цивилизации. Высокоразвитый "социализированный капитализм" — один из впечатляющих итогов общественного прогресса, специфичный именно для XX столетия. Само его формирование было бы немислимо без новейших

высокоэффективных методов менеджмента на уровне отдельных фирм, без современных форм макрорегулирования. Конечно, и в самих странах "золотого миллиарда", внутри общества "двух третей", остаются проблемы социальных низов и социальной нужды. Наряду с этим в экономически отсталых странах насущными задачами до сих пор являются борьба с нищетой, голодом, эпидемиями, уносящими миллионы жизней. Но современная экономическая наука мало-помалу научается справляться и с общей слаборазвитостью и с отсталостью.

Здесь вновь уместно вспомнить и о новейшей модели "социализма китайского образца", внутри которой принципы социальной справедливости и солидарности органично увязываются с ростом эффективности на микро- и макроуровне. "Социализм с китайской спецификой" вырвал из тисков нищеты и голода примерно пятую часть населения Земли. Конечно, до благосостояния государств "золотого миллиарда" Китаю еще далеко. Но страна неуклонно движется к уровню "средней обеспеченности", хотя и неравными темпами для различных слоев населения. Без перестройки всего курса управления государством, без высокоэффективных перемен в сфере экономической теории, экономической науки в целом столь позитивные итоги были бы попросту недоступны.

Вряд ли стоит упоминать о том, что прогресс экономической науки оказался ограниченным. В одном только XX в. на Западе экономическая теория пережила несколько тяжелых кризисных потрясений, т.е. состояний, когда наука была не в силах ответить на насущные вопросы, поставленные жизнью. В начале 1930-х гг. "Великая депрессия" вызвала кризис ортодоксального неоклассического направления; в 1970-е гг. стагфляция и структурные кризисы мирового капитализма обусловили кризис кейнсианства; во второй половине 1990-х гг. "азиатский кризис", российский дефолт, застой экономики ведущих западных стран существенно подорвали престиж концепций экономического консерватизма, авторы которых претендовали на роль всемирных менторов.

Ряд серьезных кризисов в XX в. испытало на себе экономическое учение марксизма. Признаками теоретического кризиса марксистской теории, на наш взгляд, являются:

- появление в мировой практике человеческого принципиально новых процессов и явлений, которые не вписываются или не полностью вписываются в прежние марксистские теоретические системы;
- появление среди последователей марксизма противоположных точек зрения на данные явления и процессы (теоретический раскол);
- отпадение от марксистской теории отдельных мыслителей и целых групп из числа прежних сторонников (организационный раскол);
- отказ марксистов от устаревших или от не оправдавших себя положений прежней теории;
- общее ускорение в эволюции и развитии марксизма, включая его экономическое учение.

Простая констатация того, что марксизм эволюционирует и развивается через кризисы, составляла запретную тему для всего советского обществоведения. Но без данной констатации невозможно понять характер исторических видоизменений марксизма, равно как его современное состояние и перспективы развития.

Напомним, что о "кризисе марксизма" начала XX в. писали в свое время и К. Каутский, и В.И. Ленин. Этот кризис был вызван теоретическими трудностями по осмыслению новой эпохи и проявлялся в расколе марксизма на разнородные и даже враждебные друг другу течения: левое (В.И. Ленин и большевики, Р. Люксембург, К. Либкнехт и их сторонники во II Интернационале), центристское (К. Каутский, Р. Гильфердинг, Г.В. Плеханов и др.), правое (идеологи ревизионизма — Э. Бернштейн и его сторонники в международной социал-демократии).

Первый кризис марксизма так или иначе был разрешен после Первой мировой войны и Октябрьской революции, когда коммунисты приняли на вооружение ленинизм, а социал-демократы стали от марксизма постепенно отходить.

Второй кризис марксизма, на наш взгляд, следует датировать рубежом 1920—1930-х гг., когда после слома в СССР нэпа была окончательно отвергнута сама концепция "многоукладного социализма", когда после сплошной коллективизации и прочих насильственных действий в коммунистической идеологии восторжествовал сталинизм, а в практике

социалистического строительства — монолитический "государственный социализм".

Третий кризис марксизма начался после XX съезда КПСС (1956 г.), известных событий в Венгрии и Польше. Примерно через год произошел глубокий раскол между руководством КПСС и КПК. Но кульминацией кризиса явились, с одной стороны, развертывание "культурной революции" в Китае, а с другой — события "Пражской весны" 1968 г. В ЧССР была пресечена наиболее последовательная и серьезная попытка уйти и в экономике, и в политике от "государственного социализма" в сторону социализма, сочетающего рынок и план, общественную собственность и частную инициативу, солидарность и эффективность, коммунистическую идеологию и свободу. Вместе с чешской моделью "социализма с человеческим лицом" ушли в прошлое попытки реформ в самом СССР (сначала в рамках хрущевской "оттепели", а затем в ходе хозяйственной реформы А.Н. Косыгина). В социалистическом лагере, за исключением Югославии и отчасти Венгрии, еще на двадцать лет воцарился все тот же государственный социализм.

Последний кризис марксизма (на рубеже 1980—1990-х гг.) ознаменовался крахом государственного социализма и глубоким кризисом всего коммунистического движения. В итоге само влияние марксистского учения в мире заметно сократилось.

В последние годы в российской экономической литературе вновь разгорелась полемика о подлинном содержании и значении марксизма. Некоторые его сторонники убеждены в том, что кризис поразил не сам аутентичный марксизм, а "сталинистское" (или какое-либо еще) извращение марксизма. Но это справедливо лишь отчасти. К. Маркс, например, утверждал, что сущность человека определяется совокупностью общественных отношений ("Тезисы о Фейербахе"). Между тем общественные отношения в нашей стране за последние 100—150 лет менялись и весьма радикально несколько раз, а сущность человека (если судить по практике и по тому, как эта сущность описана в литературных шедеврах Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, М. Булгакова, М. Зощенко) практически не изменилась. Однако вопрос о сущности, природе человека, если верить основателю немецкой классической философии И. Канту, как раз и составляет основной вопрос обществознания.

Кроме того, само содержание "Капитала" показывает, что К. Маркс в анализе капиталистического строя середины XIX столетия ошибочно принял муки родов буржуазного общества за симптомы его агонии. Заметьте, что здесь мы не упоминаем о крушении государственного социализма, за которое несут ответственность не основоположники марксизма, а их последователи.

Кризис поразил не только "официальный", "извращенный", "сталинизированный" марксизм, но в значительной мере и марксизм аутентичный, подлинный. Отчего же тогда после естественного спада сохраняется, а в известной степени и усиливается общественный интерес к марксизму вообще, к марксистской экономической теории в частности?

На наш взгляд, это происходит потому, что в истории экономической и шире — общественной мысли марксизм выступает как течение, наиболее последовательно защищавшее и защищающее интересы угнетенного, эксплуатируемого, отчужденного труда. И пока в этом мире сохраняются социальная эксплуатация, угнетение и отчуждение трудящихся, притом в массовом масштабе, будет существовать и развиваться марксизм.

В нашей стране актуальность экономического учения К. Маркса ощущается особенно отчетливо: когда несколько процентов населения купаются в роскоши, при том что половина населения едва сводит концы с концами, а примерно пятая часть находится за чертой бедности, т.е. живет в нищете, когда экономический рост, накопление капитала изменяют ситуацию незначительно, так что на одном полюсе общества по-прежнему концентрируются богатство и роскошь, а на другом — нищета и пауперизм, тогда ожидают и прочие закономерности, проанализированные К. Марксом в "Капитале". Учение Маркса служит грозным предостережением для тех, кто продлевает дни экономической модели, основанной на вопиющей социальной несправедливости.

Свою полезную функцию марксизм, на наш взгляд, может проявить в рамках научного плюрализма, в свободном соревновании с другими течениями экономической мысли. Здесь, видимо, вновь уместно вспомнить призыв древней китайской философии: "Пусть расцветают сто цветов, соперничают сто школ!"

История экономической мысли не терпит, видимо, телеологического подхода, в задачи которого входит доказательство "торжества" той или иной экономической концепции или теории. Приращение научных знаний добывается многими поколениями и носит относительный характер. Экономическая мысль в чем-то похожа на многоводную реку, устремленную вперед несколькими большими руслами и малыми протоками, которые то сливаются друг с другом, то вновь делятся на разные течения, каждое из которых, пусть в неравной степени, умножает в итоге мощь общего движения.

Завершая тему исторического кризиса марксистской теории, отметим, что, поскольку в нашей стране марксизм еще в середине 1980-х гг. был господствующей и единственной формой теории, его кризис означал одновременно очевидный упадок всей отечественной экономической науки. Правящие круги в лице М.С. Горбачева и его окружения пытались найти выход из положения за счет механических, поверхностных заимствований социал-реформистской концепции "демократического социализма", не осознавая, в сущности, в чем она заключается и, главное, когда применяется. Затем после августа 1991 г. упор был сделан на слепое заимствование неоконсервативных концепций "шоковой терапии" (курс Ельцина—Гайдара). Итог известен: на территории России прямое падение ВВП продолжалось с осени 1989 г. по 1999 г. включительно, т.е. примерно десять лет. Сам же российский ВВП, по разным оценкам, сократился от одной трети до половины.

Конечно, эволюцию отечественной экономической науки нельзя рисовать одними лишь черными красками. Ее развитие отмечено и многими выдающимися именами: в 1920-е гг. — Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, Л.Н. Юровского, Г.А. Фельдмана, В.А. Базарова и др., в 1930-е гг. — Л.В. Канторовича. В послевоенный период советские экономисты немало сделали для совершенствования такого важного рычага экономического управления, как народнохозяйственное планирование, и этот опыт, критически переосмысленный, как представляется, еще найдет своих последователей.

Однако сам ход истории свидетельствует о том, что подлинный успех приходит к таким направлениям и школам, которые, опираясь на достижения мировой экономической

мысли, вместе с тем учитывают национальные особенности своей страны или региона, а также специфику переживаемого страной момента. В XX в. такой успех выпал на долю "нэповской модели" СССР, теории и практики "социального рыночного хозяйства" в ФРГ, дирижизма во Франции, кейнсианского "просперити" 1950—1960-х гг. в США и отчасти в Великобритании, концепций отцов-основателей "японского экономического чуда" и т.д. И напротив, утрата "национальной идентичности" в науке и экономической политике, некритический школярский подход к импортируемым экономическим доктринам нередко оборачиваются "русским дефолтом", а также "бразильским", "аргентинским", "азиатским" и прочими национальными и региональными видами кризисов.

Следовательно, закономерность прогрессирующего развития экономической науки действует лишь как тенденция, заметная на историческом материале продолжительных промежутков времени (никак не менее одного столетия), в масштабах всего цивилизованного мира и мировой науки в целом. Тенденция к научному прогрессу сочетается и перемежается с попятными движениями (иногда в рамках нескольких десятилетий) в ряде стран, регионов в рамках отдельных исследовательских отрядов, школ, направлений.

Представляется, что в этом сложном движении научная история экономических учений служит дополнительным фактором, склоняющим чашу весов в сторону прогресса. Как историческая дисциплина она делает акцент на изменчивости, эволюционности экономической теории, ни перед кем не пресмыкается и ни перед чем не преклоняется, а потому является надежной прививкой от косности и догматизма.

История экономических учений усиливает степень свободы исследователя-экономиста. Она исходит из того, что даже в рамках современного высокоразвитого капитализма наряду с кейнсианско-неоклассическим мейнстримом существуют и развиваются альтернативные течения институционализма и неоинституционализма, а также неомарксизм и леворадикальная политическая экономия, другие периферийные течения.

История экономических учений фиксирует зарождение самостоятельной экономической теории там, где ее прежде не было или почти не было: в Латинской Америке,

арабском мире, Юго-восточной Азии, прослеживает ее эволюцию в великих цивилизациях Индии и Китая, закономерно включает в свой состав механизм перманентного аналитического мониторинга, постоянного наблюдения за приращением экономических знаний. Образно говоря, она движет наши познания об оригинальной экономической теории как по широте (с Запада на Восток), так и по долготе (с Севера на Юг), тем самым невольно способствуя и большей глубине самой экономической теории (Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что существует определенная корреляция между богатством историко-экономического материала, на котором стоит экономическая теория, и степенью ее проникновения в свой предмет.)

Образно говоря, история экономических учений как наука подобна своеобразной машине времени. Двигаясь с ее помощью по цепи исторических стадий, событий и подвижек, исследователь-экономист вбирает в себя опыт предыдущих поколений, как положительный, так и негативный. Он регулярно путешествует в прошлое и возвращается с новыми способностями и познаниями.

Родоначальник немецкой классической философии — И Кант назвал культуру суммой знаний, пригодных неважно для какого дела. Старшеклассник, студент, аспирант, да и просто исследователь любого ранга, овладевающие историческими дисциплинами, умножают свою внутреннюю культуру. При прочих равных условиях они легче найдут себе применение в любом деле, за которое возьмутся.

Напомним еще раз, что менее чем за 200 лет в стране, где мы живем, несколько раз (в 1861, 1917 и 1991 г.) кардинально менялся общественно-экономический строй. И это не считая коренных сдвигов внутри "капиталистического" или "социалистического" этапов (таких, например, как 1921 г. — переход к нэпу и 1929 г. — слом нэпа). Уже одно это обуславливает повышенный интерес нашего общества к истории вообще, истории экономических учений в особенности⁵. Мы не

⁵ В последние годы в ряде экономических вузов России прошло радикальное сокращение учебных часов, отпущенных на изучение историко-экономических дисциплин, под тем предлогом, что так поступают во многих ведущих университетах США и Великобритании. На наш взгляд, это и есть один из шагов по снижению общекультурного уровня будущего отечественного экономиста. Но, во-первых, вовсе не все университеты и

знаем в точности, по какой модели общественно-политического развития будет развиваться наша страна в недалеком, а тем более в отдаленном будущем. Хотелось бы надеяться, что этой моделью будет "социальное рыночное хозяйство", т.е. хозяйство, предоставляющее возможность достойной жизни всем слоям нации, как это и предусмотрено действующей Конституцией. Но если экономист обладает общей культурой, т.е. суммой знаний и нравственных ценностей, он всегда, при всех условиях, сумеет стать полезным своему Отечеству.

вузы англо-саксонского мира обходятся без истории экономических учений, во-вторых, в отличие от нас, США, живет по одной и той же Конституции, в рамках однотипного общественного строя начиная с последних десятилетий XVIII в (естественно, что на момент исторической эволюции там обращают меньше внимания), в-третьих, европейские страны с большой исторической изменчивостью (Франция, Италия и др) стимулируют в преподавании повышенный интерес к историко-экономическим дисциплинам, и наконец, если где-то сочли за благо готовить экономических ремесленников, зачем нам обязательно следовать этому примеру.